

СОДЕРЖАНИЕ

1. Детство в Лондоне	7
2. Выход на сцену.....	21
3. Сохранять серьезность	30
4. «Зарабатывая на жизнь».....	45
5. Ритм	59
6. Неугомонный бесенок.....	74
7. Чарли! Чарли!	88
8. За камерой и перед ней	100
9. Маленький мышонок	113
10. Свобода и слава	125
11. Снова дома	137
12. «Почему бы тебе не прыгнуть?»	152
13. На грани безумия.....	164
14. Красота молчания.....	170
15. Бродяга уходит	185
16. Новый персонаж	195
17. «Давайте работать и сражаться!»	203
18. «Начинайте избиение»	214
19. Без возврата	226
20. Тени.....	234
<i>Библиография</i>	<i>251</i>

1

ДЕТСТВО В ЛОНДОНЕ

Добро пожаловать в мир Южного Лондона в последнее десятилетие XIX века! Правда, он жалкий и убогий, с маленькими и, как правило, грязными магазинчиками... В нем нет величия и энергии главной части города на другом берегу Темзы. Жизнь здесь течет медленнее. По свидетельствам современников, в конце XIX и начале XX столетия это был особый район, который вряд ли кто-либо назвал гостеприимным. Южный Лондон был словно отрезан от жизни всей остальной столицы, и именно этим объясняется атмосфера усталости и оцепенения, которая на неподготовленного человека могла произвести тяжелое впечатление. Здесь располагались мелкие, отравляющие воздух мастерские — шляпные и кожаные. Многочисленные фабрики выпускали печенье, джем и пикули — мелкие маринованные овощи, подаваемые как гарнир или закуска. Небольшие заводики по производству клея соседствовали со складами пиломатериалов и скотобойнями. Воздух был зловонным — пахло уксусом, собачьими экскрементами, дымом, дешевым пивом. Это был характерный запах бедности... В конце XIX века Кеннингтон — район, где был первый дом Чарльза Чаплина, — имел все основания называться трущобным.

Районы к югу от реки на протяжении столетий были местом развлечений сомнительного характера. В XIX веке эта традиция про-

должилась публичными домами, питейными заведениями и салонами мюзик-холла, где за плату за вход или за более высокие цены в баре проходили выступления с танцами и пением. Один из первых мюзик-холлов — Winchester — открылся в 1840 году именно в Южном Лондоне. Через восемь лет появился Surrey. Два самых больших мюзик-холла, Canterbury и Gattis-in-the-Road, располагались вдоль Вестминстер-бридж-роуд, а маленькие можно было найти повсюду. Воскресным утром артисты мюзик-холлов собирались в пабах White Horse, Queen's Head, Horns или Tankard (юный Чаплин их хорошо знал). Антрепренеры предпочитали Lambeth.

Южный Лондон был отделен от остальной части столицы, поэтому тут сформировалась особая атмосфера общности. Эта часть города была перенаселена, и женщины, а также дети много времени проводили на улицах рядом со своими жилищами. Они сидели на стульях у дверей или высовывались из окон, опираясь на подоконники. Их настоящим домом была улица, а не квартира: домохозяйки судачили друг с другом, дети играли. Одним из этих детей был Чарльз Чаплин. «Они мне родные, эти кокни, — писал он в 1933 году в журнальной статье. — Я один из них». Южный Лондон навсегда останется источником и средоточием его вдохновения.

Происхождение Чарльза Чаплина так и осталось загадкой. Не было найдено ни свидетельства о его рождении, ни записи о крещении. Однажды он специально приехал в Сомерсет-хаус¹, пытаясь отыскать документ о своем рождении, но там ничего не было. Он искал себя и тут, и там — везде, но нигде не находил. Он появился словно из ниоткуда. Не меньшая загадка и место его рождения. Сам Чаплин считал, что родился на Ист-лейн рядом с Уолворт-роуд. Эта узкая улица называлась Ист-стрит, но местные жители называли ее Ист-лейн. В воскресенье утром тут шумел оживленный рынок — толпились лоточники, торгующие овощами и фруктами, старьевщики и разъездные продавцы. Возможно, Чаплин появился на

¹ С о м е р с е т - х а у с — общественное здание, занимающее целый квартал между Стрэндом и Темзой, где размещаются различные государственные учреждения, в том числе Управление записи актов гражданского состояния.

свет именно на Ист-лейн, а может, и нет. Тут есть еще один нюанс, намного более важный. Чаплин признавался, что не знает точно, кто его биологический отец. Тем не менее он был Чарльз Чаплин-младший. Когда родился Чарли, его мать Ханна (по сцене Лили Харлей) была замужем за Чарльзом Спенсером Чаплином-старшим. И все-таки Чарли говорил друзьям, в частности своему ассистенту Эдди Сазерленду: «Я не знаю, кто на самом деле был моим отцом...» Вполне возможно, что Чаплин был, как тогда выражались, дитя любви.

С личностью его матери вопросов нет. В середине апреля 1889 года в восемь часов вечера Ханна Чаплин родила мальчика. Соответствующее объявление появилось в театральной газете The Magnet. «15-го числа супруга мистера Чарльза Чаплина родила чудесного мальчика. Мать и сын чувствуют себя хорошо». The Magnet ошиблась на один день: чудесный мальчик родился 16 апреля.

Семья Ханны, Хиллы, была, как сказали бы сейчас, проблемной. Многие ее члены, жившие в окрестностях Ист-стрит, считались беспутными. Тяготы нищенского существования наложили на некоторых свой отпечаток, плюс по женской линии в семье передавалось безумие. Ханна взяла себе псевдоним Лили Харлей и в начале 1884 года вышла на подмостки в качестве певицы. Она добилась определенного успеха, но затем ее сценическая карьера пошла на спад.

Нет никаких сомнений, что мать Чарли познакомилась с мистером Чаплином, когда тот снимал комнату у семьи Хилл в Уолворте, на Брэндон-стрит. Ханне исполнилось 19 лет, и она была беременна. Как говорила сама Ханна, она тайно бежала в Южную Африку с богатым букмекером по имени Сидни Хоукс, но была вынуждена вернуться. Результатом этого бегства стал мальчик, которого тоже называли Сидни. Как бы то ни было, в июне 1885 года Чарльз Чаплин женился на мисс Хилл и дал ее сыну свою фамилию. Второй сын Ханны тоже получил одинаковое с отцом имя.

Через год после рождения Чарли мистер Чаплин ушел от Ханны. Скорее всего, причиной была неверность жены. Он догадывался или подозревал, что ребенок не его. Впоследствии Чаплин признавался, что у его матери было много любовных интрижек. Кроме

того, бедность и отчаяние вполне могли толкнуть ее на панель. В книге «Моя биография» (My Autobiography) Чаплин говорит: «Судить о морали нашей семьи по общепринятым нормам было бы так же неостроумно, как совать термометр в кипяток». В фильмах, которые он снимет, среди персонажей постоянно будут встречаться проститутки...

Это сложная и запутанная история, хотя и не такая уж необычная в рабочем районе, где мужья часто расставались с женами, а женщинам частенько приходилось торговать собой, чтобы прокормить детей. В то, что семейные узы оказались некрепкими, свой вклад внесло и пьянство. Чаплин-старший стал пить.

Первое официально задокументированное появление Чарльза Чаплина-старшего на сцене состоялось в 1887 году. Его изображение в цилиндре и фраке можно увидеть на обложке к нотам песни «Дружба, которую не разрушит время» (Pals Time Cannot Alter). Чаплин-старший с успехом исполнял такие песни, как «Да, парни?» (Eh, Boys?), «Церковные колокола» (As the Church Bells Chime) и «Все отлично!» (Oui! Tray Bong!). Он обладал приятным баритоном и непринужденно держался на сцене, изображал щеголя, прожигателя жизни, обходительные манеры которого соответствовали элегантному визитке, галстуку и головному убору. Говорили и о любви к благородным напиткам, в частности к шампанскому, но от алкоголизма это не спасло.

Часто — и повсеместно! — высказывались предположения, что в жилах Чаплина течет еврейская кровь. Сам он это отрицал, но были случаи, когда он намекал на свое еврейское происхождение или по крайней мере не исключал его. А поскольку точно не известно, кто на самом деле был его отцом, это оставляло место для разного рода спекуляций. Тем не менее можно достаточно уверенно утверждать, что в роду Чарли Чаплина имелись цыгане. Он не раз говорил, что бабушка его матери была наполовину цыганкой. В письме, которое было обнаружено после его смерти, упоминается о том, что он родился в цыганском таборе в Сметвике в окрестностях Бирмингема, а поскольку отправителя звали Джек Хилл, в этой истории вполне могла быть доля истины.

Друзья Чаплина считали, что его мать — цыганка, и говорили, что сам он немного знал английский вариант цыганского языка, в частности, свободно владел жаргоном цыган. Старший сын Чаплина, Чарльз-младший, в своих мемуарах писал: «...Отец всегда необыкновенно гордился этой буйной цыганской кровью», — другой его сын, Сидни, на склоне лет женился на цыганке.

Ханна и двое ее маленьких сыновей недолго прожили на Ист-стрит. Записи о регистрации учащихся школы, в которую ходил Сидни, свидетельствуют, что семья часто меняла адрес, хотя и в пределах одного района. Переезды продолжались все детство Чарли. Когда ему было два или три года, у Ханны появился новый любовник. На этот раз ее избранником стал Лео Драйден, популярный актер варьете. Он сочинял патриотические песни, восхваляющие страну и королеву. Одну из самых известных его баллад, «Мечта шахтера о доме» (The Miner's Dream of Home), исполняют до сих пор. Лео хорошо зарабатывал. Вероятно, благодаря этому Ханна с детьми перебрались с шумной и перенаселенной Ист-стрит на относительно тихий и благополучный Уэст-сквер. Районы разделяло всего полмили, но впечатление было такое, что они переехали в другую страну.

В семье появилась горничная. Чаплин всю жизнь помнил воскресные прогулки по Кеннингтон-роуд. На нем был бархатный костюмчик синего цвета и синие, в тон, перчатки. Он вспоминал Вестминстер-бридж-роуд с фруктовыми лавками, пабами и мюзик-холлами, вспоминал, как сидел на втором этаже конки и тянул вверх руки, чтобы дотронуться до веток витекса — цветущего древовидного кустарника, которым была обсажена улица. Эти мгновения чистой радости остались с ним навсегда. Он также вспоминал запах только что сбрызнутых водой роз, которые продавала цветочница на углу Вестминстер-бридж. В его фильмах цветы часто служили символом хрупкости бытия или обреченной любви.

Эти картины совсем не похожи на суровую действительность раннего детства, прошедшего в Южном Лондоне. Тем не менее они не выдуманы, и эти воспоминания свидетельствуют о первых всплесках воображения Чаплина. Совершенно ясно, что речь идет о коротком периоде — два или три года, — когда семья не пребы-

вала в бедности. Вероятно, это важное обстоятельство, поскольку герой Чаплина на экране, Бродяга, производит впечатление человека, который в прошлом жил значительно лучше.

В этот счастливый период Ханна Чаплин родила от Лео ребенка, опять мальчика. Уилер Драйден появился на свет в конце августа 1892-го, а весной следующего года отношения Ханны и Лео подошли к концу. Драйден оставил ее, а сына забрал с собой. Драйден считал Ханну плохой матерью. Именно тогда начались все ее несчастья. Несколькими неделями раньше мать Ханны, Мэри Энн Хилл, поместили в психиатрическую больницу. Врачи диагностировали у нее «бессвязность мысли».

Ханне, на попечении которой было двое сыновей, пришлось самой заботиться о себе — семья не могла оказать ей никакой поддержки. Неизвестно, на что она жила. Вполне возможно, нашла себе нового любовника... Или нескольких...

Впоследствии Чаплин в книге «Моя биография» упоминал о том, что в 1894 году его мать получила ангажемент певицы в театре Santeen в Олдершоте. Аудитория там состояла в основном из солдат, грубых и шумных. Во время одного из выступлений у Ханны сорвался голос, и ее освистали, заставив уйти со сцены. Тогда директор Santeen вывел на сцену маленького Чарльза. Мальчик спел какую-то популярную песенку. Зрители стали бросать монетки, и Чарли прервался, чтобы поднять их. Это рассмешило публику. Собрав деньги, мальчик снова запел, подражая тем, кого слышал раньше. В какой-то момент он даже симитировал сорванный голос матери. Ханну, которая еще раз появилась перед зрителями, чтобы увести сына, встретили аплодисментами. Чаплин писал, что голос у матери так и не восстановился, хотя ей еще один раз удалось получить ангажемент в Hatcham Liberal Club. Ее представляли как мисс Лили Чаплин, певицу и танцовщицу.

Эта любопытная история вполне может быть правдой, хотя среди многочисленных объявлений о спектаклях мюзик-холлов, публиковавшихся в газете The Era, упоминания о представлении в Santeen нет. Чаплин рассказывал и другой вариант этой байки: на сцену его вытащил отец, а причиной провала матери был не кратковременный ларингит, а то, что она стала заглядывать в бу-

тылку. Не стоит слишком строго судить Чаплина, утверждая, что он лгал о своем детстве, — Чарли просто придумывал разные истории из прошлого, в зависимости от своего настроения и обстоятельств, в которых он эти истории рассказывал. По официальной версии, Чаплин был защитником и даже спасителем матери — эту роль в отношении молодых женщин брал на себя и Бродяга в его фильмах.

Ханна Чаплин, по всей видимости, продолжала навещать антрепренеров, и на какое-то время ей удалось устроиться танцовщицей в балет Кэтти Ланнер в театре Empire на Лестер-сквер — одном из самых оживленных и популярных мест английской столицы. Другая артистка из Empire вспоминала, как маленький Чарли останавливался за боковыми декорациями и тихонько пел ее партию на полстрочки впереди... «Чем сильнее я хмурилась, глядя на него, тем шире он улыбался», — говорила она. Эта женщина также рассказывала, что уже тогда у Чарли был превосходный музыкальный слух и он запоминал почти все, что она пела. Директор начальной школы на Виктори-плейс в Уолворте, которую недолго посещал Чаплин, вспоминал о мальчике так: «У него были большие глаза, копна черных вьющихся волос и красивые руки... Он был очень милым и застенчивым».

Как бы то ни было, артистическая карьера Ханны Чаплин закончилась. Она подрабатывала швеей, чинила старую одежду, но это был тяжелый и низкооплачиваемый труд. За поддержкой и утешением Ханна обратилась к Господу. В 1895 году она стала прихожанкой церкви Христа на Вестминстер-бридж-роуд, записавшись так: «Актриса, которая живет отдельно от мужа». Дополнительным заработком было шитье одежды для членов общины, однако физическое напряжение подточило ее здоровье.

29 июня 1895 года Ханну поместили в Ламбетскую больницу, где она пробыла месяц. Мать Чарли страдала от сильнейшего стресса, который, по всей видимости, проявлялся в виде мигреней. Ее старшего сына Сидни отправили в местный работный дом, но через какое-то время перевели в школу для бедных в Вест-Норт-вуде. Чарли взял к себе родственник бабушки по отцовской линии, Джон Джордж Ходжес, живший в том же районе.

В начале весны 1896 года мальчики снова стали жить с матерью, но их адрес неизвестен. Они переезжали из одной дешевой съемной комнаты в другую и за три месяца сменили шесть разных чердаков и подвалов. У Чаплина сохранились в основном грустные воспоминания об этом периоде жизни. Сидни вырос из своего пальто, и Ханна смастерила ему новое из своего бархатного жакета. Ему также приходилось носить старые материны ботинки, с которых спилили высокие каблуки. Мальчики воровали еду у уличных лоточников. Семья жила на благотворительные пожертвования прихожан — «посылки для бедных». Они посещали бесплатные столовые при церкви. В детстве Чаплин ни разу не пробовал сливочное масло и сливки, а став взрослым и очень хорошо обеспеченным человеком, ел их жадно, иногда просто не мог остановиться. Джон Даблдэй, автор памятника Чаплину, установленного в 1981 году на Лестер-сквер, напротив кинотеатра Odeon, говорил, что у Чарли была плохо развитая грудная клетка недодающего ребенка. Кстати, похожий памятник этого же скульптора, изображающий Чаплина в образе Бродяги, который и сделал его знаменитым, установлен на берегу Женевского озера.

Безусловно, были и счастливые моменты. Как-то маленький Чарли заработал несколько пенсов, танцуя у дверей пабов под доносившиеся оттуда звуки аккордеона. Однажды Сидни, продававший газеты, нашел в автобусе кошелек с золотыми монетами. Впрочем, не исключено, что он его вовсе не нашел... На эти деньги вся семья отправилась в Саутенд, где Чаплин впервые увидел море. Раньше они купались только в кеннингтонских банях, когда могли себе это позволить. Мать водила мальчиков на представления с волшебным фонарем в Вахтер Hall, где вход стоил пенни. Ханна, когда была здорова и в хорошем настроении, развлекала детей тем, что копировала выражения лиц и движения проходящих по улице людей. Возможно, именно от нее младший сын унаследовал этот талант.

В очерке для журнала Photoplay, написанном в 1915 году, Чаплин утверждал: «...мать была самой удивительной женщиной из всех, которых я знал. Помню, какой она была очаровательной и хорошо воспитанной. Она бегло говорила на четырех языках и получила

хорошее образование... Я никогда не встречал такой утонченной женщины, как моя мать». Конечно, скорее всего он переоценивал ее таланты и достоинства. Один из соседей вспоминал: «Он думал, что из живших на земле людей нет никого, кто сравнится бы с его матерью. Парень считал ее лучшей актрисой в мире, потрясающей леди, своим идеалом». Она же называла младшего сына «король». Скорее всего, подобная любовь обречена на разочарование.

Вскоре матери и сыну суждено было расстаться. Весной 1896 года швейную машинку Ханна пришлось вернуть из-за невозможности вносить арендную плату, и она уже не могла заниматься прежним ремеслом. Ханна снова заболела и попала в больницу. Выхода не было... Детей пришлось отдать в работный дом — место, которого больше всего боялись бедняки. «Ты попадешь в работный дом!» — это было самое страшное предупреждение. В мае того же года мальчики оказались в Сатеркском работном доме — судя по записи в книге регистрации «по причине отсутствия отца, а также нищеты и болезни матери». Можно представить себе их растерянность... Тем не менее в той же статье в Photoplay Чаплин заявлял: «Англичане очень боятся работного дома, но я не помню никаких особенных ужасов». Больше всего ему запомнилось, как он потихоньку выбирался из здания, гулял и воображал себя очень богатым и знатным человеком... «Я был мечтателем и фантазером. Я всегда представлял себя кем-то другим...»

Дети пробыли в работном доме около трех недель, пока Ламбетский опекунский совет разыскивал их предполагаемого отца, Чарльза Чаплина-старшего. В конечном счете его нашли. Представ перед опекунским советом, он согласился забрать Чарльза, но не Сидни — на том основании, что старший мальчик несомненно незаконнорожденный. Члены совета придерживались мнения, что братьям будет лучше вместе, и Чаплин согласился платить 15 шиллингов в неделю на содержание детей в Хэнуэллском приюте для сирот и бедных детей. Там их все-таки разлучили — 11-летнего Сидни отправили в отделение для старших, а 7-летнего Чарльза к малышам. Впоследствии он сказал кому-то из журналистов: «Мое детство закончилось в возрасте семи лет. Маленькие обитатели приюта строем ходили из класса в класс и из спальни в столо-

вую». Чаплину присвоили номер 151. Конечно, в бытовом плане детям там жилось гораздо лучше, чем их сверстникам на улицах или в трущобах. Им выдавали теплую одежду, прочные ботинки, кормили просто, но сытно.

Для маленького Чарльза приют стал местом, где он страдал и часто чувствовал себя униженным. Впоследствии он называл проведенное там время своим тюремным заключением. Его разлучили с матерью и братом — Сидни отправили на учебное судно военно-морского флота. Во всем мире у него больше никого не было. Маленький, беспомощный, лишенный надежды... Возможно, он подглядывал за девочкой в замочную скважину. Возможно, он устроил пожар в туалете. Говорят разное... Но независимо от преступления наказание было известно заранее: мальчик получал один или два удара розгами. Однажды он занемог, и ему прописали слабительное, следствием чего стала замаранная постель. Два дня спустя его лишили апельсина и леденцов, которые детям раздавали на Рождество... Однако, несмотря на все страдания, это был единственный период в жизни Чаплина, когда он получал формальное образование. Чарльз научился писать свое имя, а также читать по слогам.

Ханна не навещала его почти год. По всей видимости, мальчик думал, что его предали. Когда наконец летом 1897 года мать приехала к нему, маленький Чаплин испытал ужас и унижение. Своему близкому другу Гарри Крокеру он признался, что мать вызвала у него мучительную неловкость. Возможно, Ханна несла на себе печать безумия, которое передавалось в семье из поколения в поколение. Чаплин рассказывал Крокеру, что она почему-то пришла с масленкой в руках. «Зачем ты это принесла, мама? — спросил он. — Зачем ты вообще пришла? Они все тебя увидят. Они все тебя увидят!» В книге «Моя биография» Чаплин рассказывает совсем другую историю — свежая, благоухающая красавица пришла навестить своего одинокого ребенка. Где правда?

В одном из ранних фильмов Чаплина есть сцена, в которой пожилая женщина тащится вверх по лестнице с ведром воды. На четвертом или пятом этаже неожиданно открывается дверь, и мужчина бьет ее по лицу. «О! — в ужасе вскрикивает он, уви-

дев незнакомку. — Я думал, вы моя мать!» — «У вас есть мать?» — спрашивает женщина. «Да, — плача, отвечает он. — У меня есть мать». Смешного тут мало...

Чаплин никогда до конца не верил женщинам. Он боялся утраты и одиночества, равнодушия и душевных травм, а малейшая провокация вызывала у него приступы ревности. С любовницами он был подозрительным, неуступчивым и сердитым.

Выжить в Хэнуэлле ему помогло то, что он сделал себя неуязвимым. «Даже когда я был в приюте... — рассказывал Чаплин впоследствии старшему сыну, — даже тогда я считал себя величайшим актером в мире. Я должен был ощущать власть, которую дает абсолютная уверенность в себе. Без нее ты обречен на поражение». Эта неуязвимость станет характерной чертой его экранного персонажа. Бродяга всегда остается невозмутимым. И непобедимым. Он оправляется от неудачи и с небрежным достоинством уходит прочь. В этом он проявляет неукротимую энергию и упорство. И редко становится объектом жалости.

Таким образом, в жизни мальчика мы можем увидеть истоки будущего экранного персонажа, Бродяги. В первых картинах Чарли он зачастую бывает злым, жестоким, хочет любой ценой взять реванш, особенно в отношении власть имущих. Ему очень нужны еда и чувство безопасности. Он отчаянно ищет любви, но нигде ее не находит. У него нет ни семьи, ни дома. Он научился справляться с превратностями судьбы, изображая безразличие. Большинство более поздних фильмов Чаплина также связано с искусством выживания в этом враждебном или безразличном мире...

18 января 1898 года Чаплин, которому было 8 лет, покинул Хэнуэлл и вернулся к матери. Два дня спустя домой с учебного судна Exmouth приехал Сидни. Семья снова была вместе. Как они тогда жили, неизвестно. Возможно, именно этот период вспоминал Чаплин, когда сказал своей любовнице Мэй Ривз, что каждые четыре недели их выгоняли из дома, потому что они не могли платить арендную плату. Каждый раз им приходилось собирать вещи и тащить на себе матрасы и стулья на новую квартиру. Во время одного из ностальгических визитов Чаплина в район своего детства они

с Мэй гуляли в Кеннингтоне. Он показал ей обшарпанный продуктовый магазин: «Как я радовался, когда можно было прибежать сюда и купить что-нибудь на два пенса! — Затем он указал ей на навес: — Я часто ночевал здесь, когда нас выгоняли из квартиры. Хотя предпочитал спать на лавочке в парке».

Вероятно, водворение в Ламбетский работный дом — 22 июля — было неизбежным. У семьи не получалось выжить в большом мире. Через неделю мальчиков перевели в приют Вест-Норвуд, в котором Сидни уже один раз побывал. Затем произошло нечто странное. 12 августа Ханна Чаплин смогла убедить администрацию, что она здорова и ей можно доверить детей. Мальчиков отпустили из приюта на ее попечение. Мать с сыновьями провели целый день в Кеннингтонском парке, где лакомились вишнями и играли в мяч, сделанный из скомканной газеты. Это была краткая иллюзия благополучия, побег от окружавшей их реальности. В конце дня Ханна весело сказала, что пора пить чай. Она имела в виду чай в Ламбетском работном доме, куда они и явились, вызвав неудовольствие администрации, которой заново пришлось заполнять документы. Три дня спустя мальчиков вернули в приют Вест-Норвуд. Жестокий мир снова обступил их со всех сторон... Став взрослым, Чаплин говорил, что пребывание в любом сквере всегда вызывает у него грусть. В 1932 году в журнальной статье он писал о том, какое гнетущее впечатление производит на него Кеннингтонский парк.

В начале сентября Ханну Чаплин привезли из работного дома в Ламбетскую больницу. Все ее тело было покрыто гематомами. Кроме того, врачи предположили, что она больна сифилисом — в третьей стадии эта болезнь может поражать мозг. Правда, впоследствии диагноз не подтвердился. Через девять дней Ханну снова перевели, на этот раз в психиатрическую лечебницу Кейн-хилл в Саррее. Тамошние специалисты описывают ее поведение так: «Ведет себя очень странно — то кричит и ругается, то чрезвычайно ласкова. Неоднократно помещалась в палату с обитыми войлоком стенами вследствие внезапных вспышек агрессии — швыряла кружку в других пациентов. Кричит, поет, бессвязно разговаривает. Сегодня утром жалуется на голову, пребывает в подавленном

состоянии, плачет — плохо соображает и не может предоставить достоверную информацию». Ханна спрашивала врачей, не умирает ли она. Говорила им, что послана на землю с небес. Затем заявила, что хочет покинуть этот мир.

В Вест-Норвуд приехали две медсестры, чтобы сообщить мальчикам о состоянии матери. Сидни доиграл футбольный матч, а потом заплакал. Чарльз не плакал, но стал винить мать в том, что она его предала. На самом деле Ханну поразило наследственное безумие.

Теперь ответственность за двух мальчиков должен был нести Чарльз Чаплин-старший. Сидни и Чарли посадили в фургон, принадлежавший Ламбетскому работному дому, куда их вновь перевели, и привезли на Кеннингтон-роуд, 287, где мистер Чаплин жил со своей любовницей Луизой, которая совсем не обрадовалась появлению нежеланных детей. Довольно часто, будучи в подпитии, она горько жаловалась, какие неудобства ей причиняет присутствие мальчиков. Особенно Луиза невзлюбила Сидни, который, впрочем, избегал ее, — его не было в доме с раннего утра до полуночи.

Карьера Чаплина-старшего близилась к закату. Популярность его падала, и по мере того, как число ангажементов уменьшалось, он все чаще утешал себя выпивкой. В те вечера, когда мистер Чаплин выступал, он мог быть милым и оживленным, а перед выходом из дома на концерт непременно выпивал стакан портвейна с шестью сырыми яйцами — по его словам, для голоса. Довольно часто Чаплин-старший весь день и вечер переходил из одного паба в другой — в районе им счету не было — и пытался утопить в спиртном свою тревогу и отчаяние. Младший сын все это видел — в будущем умение изображать пьяного принесет Чарли славу.

Такое времяпрепровождение Чаплина-старшего сильно раздражало Луизу, которая срывала зло на мальчиках. Как-то раз в субботу утром Чарльз вернулся домой из школы и обнаружил, что в квартире никого нет и есть совсем нечего. Он ждал, но никто так и не пришел. Отчаявшись, мальчик до самого вечера слонялся по окрестным рынкам. Денег у него не было. Чарли бродил по улицам до темноты, потом вернулся на Кеннингтон-парк-роуд, но свет

в квартире не горел. Пройдя несколько ярдов до Кеннингтон-кросс, он сел на обочину тротуара и стал ждать. У двери паба White Hart два музыканта, один с аккордеоном, другой с кларнетом, играли песню «Жимолость и пчела» (The Honeysuckle and the Bee). Музыка настолько очаровала мальчика, что он перешел через дорогу, поближе к ним. Эту песенку Чаплин будет помнить всю жизнь.

Вернувшись, Чарли увидел Луизу, которая шла к дому. Женщина была пьяна и все время спотыкалась. Мальчик подождал, пока она закроет дверь, а затем проскользнул внутрь с кем-то из жильцов и поднялся на темную лестничную площадку. Луиза вышла и сказала, чтобы он убирался. Это не его дом. В другой раз полицейский сообщил, что видел Сидни и его младшего брата в три часа ночи — они спали у костра ночного сторожа. Такую жизнь приходилось вести маленькому Чарльзу.

12 ноября в дверь постучала Ханна Чаплин. Ее выпустили из Кейн-хилл, и она пришла забрать детей. Мать и сыновья поселились в маленькой квартирке за углом, на Метли-стрит. Ханна стала зарабатывать шитьем блузок. Запахи с консервной фабрики Хей-урда, расположенной позади дома, смешивались с вонью расположенной по соседству скотобойни. Впрочем, жители Южного Лондона привыкли к таким запахам.

Хозяйка дома на Метли-стрит вспоминала: «Чарльз был хрупким ребенком с копной темных волос, бледным лицом и яркими голубыми глазами. Из тех, что я называю «маленький бесенок», — с утра до вечера на улице. Я помню, что он регулярно находил человека с шарманкой и танцевал под его музыку. Помогал зарабатывать шарманщику и сам получал несколько медяков. Думаю, так он и начал превращаться в артиста. Чарли отдали в школу в Кеннингтоне, но он был ужасным прогульщиком».

Вообще-то дни его учебы подходили к концу. Судя по записям в журнале, последний раз Чаплин приходил в школу 25 ноября 1898 года, после чего его можно было найти не в классе, а на сцене мюзик-холла. Он стал профессиональным танцором.

2

ВЫХОД НА СЦЕНУ

В конце 1898 года юный Чаплин присоединился к труппе исполнителей клогданса¹ под названием «Восемь ланкаширских парней» (The Eight Lancashire Lads). Возможно, он получил работу благодаря Чарльзу Чаплину-старшему, поскольку основатель труппы Уильям Джексон жил неподалеку, тоже на Кеннингтон-роуд. Свою роль мог сыграть и опыт мальчика как уличного артиста... На время гастролей ему предоставлялись еда и жилье, а Ханне Чаплин причиталось полкроны в неделю. Наверное, она не считала эту работу идеальной для младшего сына, но так семья хотя бы получала стабильный дополнительный доход.

Одна из театральных газет описывала выступление «Ланкаширских парней» как яркий и веселый номер, имеющий настоящую изюминку. Он длился 10 минут и представлял собой, по словам автора, один из самых лучших танцев клогданса, которые только можно увидеть на сцене. Все мальчики были одеты в белые льняные рубашки с кружевным воротником, бриджи и красные башмаки на деревянной подошве. Эти башмаки предназначались для тяжелой работы в шахтах и на фабриках на севере Англии, а танцы в них, веселые и изящные, словно служили символом свободы,

¹ К л о г д а н с — танец, похожий на чечетку, исполняется в башмаках на деревянной подошве.

победы над несчастьями и рабским трудом. Возможно, клогданс был отражением бунтарского духа маленького Чарли. Он репетировал в течение шести недель, пока труппа гастролировала в Манчестере, а первый раз его выпустили на публику в Портсмуте. Чаплин испытывал страх перед выходом на сцену, и прошло еще несколько недель, прежде чем он смог исполнить сольный номер.

Сын Уильяма Джексона вспоминает, что Чаплин поначалу был очень тихим мальчиком... и неплохим танцором. Наряду с этим он добавляет: «Первым делом мне пришлось заставить его постричь до приемлемой длины волосы, которые спутанными кудрями падали на плечи». Он также говорит, что младший Чаплин уже тогда был потрясающим мимом. Из Портсмута «Ланкаширские парни» вернулись в Лондон, затем отправились в Мидлсбро, Кардифф, Суонси и Блэкпул. Они редко сидели без работы. В столице и других городах труппа металась из театра в театр в кэбе или на подводе, нередко с криком: «Мы должны спешить в следующий зал!» Это была изнурительная работа. В театрах пахло пивом, невымытыми телами и табаком. Публика в этих шумных и грубых местах могла пуститься в пляс или подраться. Зрители бывали жестокими, но понравиться им было просто — они подпевали песням, которые знали, и выкрикивали популярные фразы любимых комиков.

Для Чаплина все это стало самой лучшей школой в таких дисциплинах, как песня и танец. Кроме того, он пользовался возможностью учиться у клоунов и комиков, которые участвовали в тех же концертах. В 1917 году Чарли рассказывал репортеру: «Каждое движение отпечатывалось в моем юном мозгу, как фотография. Я обычно повторял их все, когда приходил домой... Мои самые первые наблюдения за клоунами в лондонских пантомимах оказались необыкновенно полезными». Он даже мечтал вместе с другим мальчиком из труппы, Бристолем, организовать дуэт под названием «Бристоль и Чаплин — бродяги-миллионеры». Сценический образ бродяги был в то время очень популярен — среди представителей разных жанров встречались бродяги-жонглеры и бродяги-велосипедисты.

Жизнь артиста мюзик-холла была суровой. Каждое выступление длилось недолго, от 5 до 15 минут, перед буйной аудиторией,

обычно подогретой алкоголем. Гипнотизеры и маги, акробаты и комики соревновались друг с другом за аплодисменты и внимание зрителей. Безразличие публики — смертный приговор для исполнителя. Песни, которые пели в мюзик-холлах, зачастую рассказывали о горестях рабочего класса, о подробностях общественной и семейной жизни, о трудностях существования на грани полной нищеты. Они были исполнены грубоватого юмора или более тонких сексуальных намеков.

Местом действия скетчей комиков и мимов нередко становились ломбарды и дешевые доходные дома или рестораны, а среди персонажей встречались официанты, бродяги, а также неудачники, пытающиеся замаскировать свою нищету. Некоторые нелепо одевались, имитировали смешную походку или опирались при ходьбе на зонтик либо трость. Именно они вдохновили Чаплина на создание персонажей его первых фильмов. Самые успешные артисты исполняли один и тот же номер на протяжении нескольких лет, но были и такие, кто предпочитал разнообразие и вариации. Важно то, что, как писали в то время газеты: «Оригинальность имеет большое значение для успеха артиста. Но из чего состоит оригинальность? В значительной степени из личности». Чаплин будет творить искусство из личности.

Величайшим из этих оригинальных артистов был, наверное, Дэн Лино, с которым Чаплин выступал в одном представлении 15 недель в лондонском Tivoli. Чарли не потребовалось много времени, чтобы усвоить основы искусства комика. Макс Бирбом описывал Лино так: «...бедный маленький потрепанный персонаж, такой «затюканный», но в то же время отважный, со скрипучим голосом и размашистыми жестами, слабый, но упорный, воплощение воли к жизни в мире, в котором не стоит жить. Естественно, все симпатии были на стороне Лино». Лицо его покрывал белый грим. Он часто надевал мешковатые брюки и ботинки с необыкновенно длинными носами. У него были большие глаза и изогнутые дугой брови, и он мог мгновенно изобразить на лице печаль. Мэри Ллойд, еще одна прима мюзик-холла, с которой выступал Чаплин, как-то спросила его: «Ты видел эти глаза? Таких грустных глаз нет в целом мире. Потому что если бы мы не смеялись, то пла-

кали бы до изнеможения. Понимаешь, мне кажется, что настоящая комедия — это почти плач». В свою очередь, Стэн Лорел однажды сказал Чаплину о Лино: «У него такие глаза, что они просто притягивают взгляд». То же самое можно сказать о Бродяге — его внешности, поведении, манерах.

Энергия буквально была в Лино через край. Он мог очень далеко прыгнуть назад и приземлиться на носки ботинок. В нем жила душа настоящего кокни, воплощением которой скоро станет сам Чаплин. В 1915 году в начале карьеры как киноартиста журнал Bioscope назвал Чарли Дэном Лино экрана. Впоследствии Чаплин очень любил изображать звезд мюзик-холла былых времен, чьи песни он прекрасно помнил.

Об этом периоде Чарли говорил, что терпел жизнь исполнителя клоуна потому, что верил: это шанс, который позволит ему достигнуть чего-то большего и лучшего. У него были большие амбиции. Один из современников, сын директора театра Canterbury, вспоминал его холодные голубые глаза, которые свидетельствовали о чем-то серьезном и не сломленном в его душе. Это была сила воли.

Ханна и Сидни Чаплин по-прежнему жили на Метли-стрит, теперь вместе с отцом Ханны. Оттуда Чарльза Хилла увезли в Ламбетскую больницу, а через месяц поместили в рабочий дом. Знакомые стадии падения для обедневших обитателей Южного Лондона, проходивших путь от нищеты к смерти. Может быть, семья Чаплина однажды тоже окажется в их числе?

Пока Чарли был в турне с «Ланкаширскими парнями», Чарльз Чаплин-старший начал сдавать. Последний раз он выступал 31 декабря 1900 года в театре Empire в Портсмуте. В это время его сын играл в пантомиме «Золушка» (Cinderella). Чаплин вспоминал, что в представлении он работал со знаменитым французским клоуном Марселином. Марселин садился у большого бассейна, доставал удочку и пытался ловить на драгоценности плавающих в воде танцовщиц. В конечном счете ему с большим трудом — и уморительными ужимками — удавалось вытащить маленького пуделя. Собачка оказывалась умелым подражателем. Если Марселин вставал на голову, пудель делал то же самое. Об этом «рыжем» клоуне,

который никогда не разговаривал, а изъяснялся только языком жестов, говорили, что он обладает потрясающим умением рассмешить и одновременно вызвать к себе симпатию. Юный артист внимательно наблюдал.

В одной из сценок с участием Марселина Чаплин, игравший роль кошки, не удержался от небольшой импровизации. Во время представления он принялся обнюхивать собачку, а затем у арки просцениума поднял лапку в совсем не кошачьем жесте и удалился... под гром аплодисментов. Его озорная выходка развеселила зрителей, но вызвала гнев импресарио, не терпевшего даже намека на непристойности. Это, возможно, первое свидетельство желания Чаплина чем-то выделиться, отличиться от других.

13 апреля 1901 года, после того как «Золушку» закрыли, Чарли ушел из «Ланкаширских парней». Он страдал от астмы, и Ханна была уверена, что именно тяжелая работа артиста подорвала здоровье ее сына. Она забрала Чарли домой. Сидни только что получил место помощника стюарда и оркестранта на пароходе Norman, и мать решила, что младшего сына теперь можно держать дома. Чаплину в прямом смысле слова не хватало воздуха, он буквально задыхался — возможно, отчасти из-за того, что комната, которую ему приходилось делить с матерью, оказалась очень тесной. Обратились за консультацией к врачу. Он сказал, что с возрастом астма должна пройти. К счастью, доктор не ошибся.

Весной этого же года Чарльз Чаплин-старший оказался на пороге смерти. У него развился цирроз печени. Друзья отвезли его — пьяного — в госпиталь Святого Фомы. Немного протрезвев и осознав, где он находится, мистер Чаплин попытался... сбежать. Однако сил на это у него уже не было — тело чудовищно раздулось от водянки, а из его колена врачи откачали несколько литров жидкости. Что лукавить? Чарльз Чаплин-старший спился и умер от пьянства. Похороны, состоявшиеся 9 мая, организовал благотворительный фонд помощи артистам варьете, а похоронили Чарльза С. Чаплина на кладбище в Тутинге. В некрологе, напечатанном в журнале The Stage, говорилось, что усопшего преследовали неудачи и несчастья сильно подорвали его здоровье.